

УДК [94:323](470.6)»19»

ББК 63.3(2)6

Ш 76

В.Г. Шнайдер,

доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета, г. Армавир, тел.: +79184761405, e-mail: schneiderwg@mail.ru

Р.М. Шхачемуков,

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79529832887, e-mail: shkhachemukov@mail.ru

Ж.О. Абрегова,

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и права Майкопского государственного технологического университета, г. Майкоп, тел.: +79082282636, e-mail: abregowazhanna@yandex.ru

**СОВЕТСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ
(1917 – КОНЕЦ 1950-Х ГГ.):
ОСОБЕННОСТИ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ
(Рецензирована)**

Аннотация: В статье отражено представление авторов об основах методологии исследования истории советской национальной политики на Северном Кавказе. В тексте проанализированы теоретические основания исследования таких явлений, как этническая и культурная интеграция, социокультурное взаимодействие и национальное строительство. По мнению авторов, данные процессы были характерны для советской национальной политики на Северном Кавказе в рассматриваемый период. Поэтому необходимо иметь ясное представление о современных методах исследования этих явлений, об особенностях терминологии и содержании основных понятий.

Ключевые слова: социокультурное пространство, нация, этнокультурная интеграция, исторический тип культуры, национальное строительство, Северный Кавказ, этнос.

W.G. Schneider,

Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of General and National History, Armavir State Pedagogical University, Armavir, ph.: +79184761405, e-mail: schneiderwg@mail.ru

R.M. Shkhachemukov,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Department of National History, Historiography, Theory and Methodology of History, Adyghe State University, Maikop, ph.: +79529832887, e-mail: shkhachemukov@mail.ru

Zh.O. Abregova,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Department of History and Law, Maikop State University of Technology, Maikop, ph.: +79082282636, e-mail: abregowazhanna@yandex.ru

THE SOVIET NATIONAL POLICY IN THE NORTH CAUCASUS (1917 – THE END OF THE 1950S): FEATURES OF METHODOLOGY OF RESEARCH

Abstract. The paper shows how the authors see the bases of methodology upon which history of the Soviet national policy in the North Caucasus is investigated. In the text, the theoretical fundamentals of a research of such phenomena as ethnic and cultural integration, sociocultural interaction, national construction and some others are analyzed. According to authors, these processes were characteristic of the Soviet national policy in the North Caucasus during the considered period. Therefore it is necessary to have a fair idea of modern methods of a research of these phenomena, of features of terminology and the content of the basic concepts.

Keywords: sociocultural space, nation, ethnocultural integration, historical type of culture, national construction, the North Caucasus, ethnos.

Советская национальная политика на Северном Кавказе в период с 1917 до конца 1950-х гг. имеет отличительные признаки и может рассматриваться как самостоятельный предмет исторического исследования. В течение этого времени она формируется и обретает свои законченные черты. Признаки очевидности приобретают теоретические задачи и практические методы национального строительства, процесс институционального оформления которого в целом завершается к концу 1950-х гг.: формируются этническая и административно-территориальная карты региона, которые фактически не изменяются вплоть до окончания советского периода истории России.

Исследование истории советской национальной политики на Северном Кавказе в данный период сопряжено с рассмотрением следующих проблем:

– практика советского национального строительства в данном регионе;

– изучение социокультурных интеграционных процессов в регионе;

– исследование проблем истории этногенеза автохтонных народов;

– выявление особенностей характера центр-периферийного взаимодействия в России, применительно к Северному Кавказу.

Этот список не исключает и некоторых других аспектов, предполагающих, что исследование должно носить комплексный характер.

В отношении трактовки явления этничности в современных исторических и этнологических исследованиях сформировались три основных подхода: примордиализм [1], конструктивизм [2] и инструментализм [3].

Особое внимание уделим конструктивизму. В данном подходе этничность рассматривается как форма социальной организации культурных различий. Этничность понимается как достигнутый, а отнюдь не предписанный статус, который конструируется группами (чаще всего элитами) в целях достижения неких политических результатов. Главный критерий этничности – это границы группы, которые создаются средствами символического различия по типу противопоставления «мы – они». Наиболее крупные теоретики конструктивизма: Б. Андерсон, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум, М. Эсман. В отечественной науке этой модели изучения этничности придерживаются В.А. Тишков, В.С. Малахов. В конструктивизме считается, что для возникновения этнических групп необходимы общая территория, хозяйство и язык. На современном этапе исторического развития важную роль в интеграции этносов играют государство, идеология, СМИ.

Конкретно-исторические задачи Коммунистической партии в области национальной политики и национального строительства должны

были решаться в условиях индустриального общества. В таких условиях в наиболее развитых государствах мира формируются нации на основе согражданства, а не этничности. В этом смысле усилия большевиков были исторически актуальными. На их национальную политику влиял принцип пролетарского интернационализма, не вполне совпадавший с другим важным принципом – право наций и народов на свободное самоопределение. Здесь, как говорится, на бумаге было всё гладко, а на практике возникли явные противоречия. Третьим обстоятельством, определившим специфику советской национальной политики, стал догоняющий характер модернизации в СССР.

Обращаясь к теории концепции нации-согражданства, хотелось бы обратить внимание на идеи Э. Яна, который отмечает, что ей присущи этнокультурные черты, и она не может быть полностью безразличной к этническим факторам. В «государственных» нациях тоже есть этническое ядро хотя бы в силу выбора государственного языка и этнического состава страны [4; 117]. Едва ли мы ошибёмся, если предположим, что в СССР роль такого ядра выполняла русская этнокультура.

Непременным условием построения такого рода нации является гражданское общество. Э. Ян считает, что нация – это политическое сообщество по волеизъявлению, принадлежность к которому не зависит от социального, конфессионального или этнического происхождения. Согласно либерально-республиканской идее, порождённой Французской революцией, государственный народ как общность всех граждан и нация идентичны [4; 115]. Значительная часть признаков политической нации, казалось бы, совпадают с тем, что декларировали большевики, однако классовая мораль, однопартийная система и, в конечном итоге, тоталитарный политический режим, едва ли могли способствовать

формированию гражданского общества. В этом смысле, нация рассматривается как явление общества индустриального типа. Переход России к данному уровню состоялся в пореформенный период, а явные показатели индустриального общества проявляются уже в советский период.

Определение понятий «этнос» и «нация» не является универсальным среди отечественных историков, социологов и этнологов. В определенной степени, это противоречие и терминологические разночтения снимает идея А. Кара-Мурзы, высказанная им в работе «Россия в треугольнике: «этнократия-империя-нация». Он убеждён, что в истории встречаются три формы социального сосуществования индивидов: этнократия, империя и нация. «Во-первых, «этнократии» – основанные на принципе «крови», этнического родства, непременным атрибутом которых является ксенофобия или, по меньшей мере, этническая сегрегация. Во-вторых, «империи» – базирующиеся на универсальном, надэтническом принципе «подданства». И, в-третьих, «нации» – основанные на гражданско-территориальном принципе. Нация, в отличие от империи, формируется в той мере, в какой в универсализирующем плавильном котле межэтнического взаимодействия участвует не только имперское государство, но и гражданское общество» [5]. Он так же утверждает существенную для нашего исследования мысль: ««Этнократия», «империя», «нация» – разные механизмы социальной адаптации общества к изменяющемуся миру... Ясно, однако, что смена базового интегративного принципа происходит тогда, когда адаптационные возможности прежнего принципа оказываются исчерпанными либо очевидно недостаточными» [5].

Современные нации организованы чаще всего на полиэтничной основе. Своим структурообразующим элементом она имеет базовые

этнокультурные традиции абсолютного или относительно численно доминировавшей в процессе формирования нации этнической группы. На наш взгляд, последовательность «этнократия-империя-нация» далеко не универсальна. Данную последовательность можно соотнести с процессом становления большинства современных наций, сформировавшихся на основе европейского историко-культурного типа. Становление и развитие крупной этнической группы не всегда приводило к возникновению империи, но на примере России происходит именно так.

Насколько укладывается понятие «этнонации» в концепцию «нации-согражданства»? Их формирование происходило в основном на моноэтнической основе под воздействием разноплановых историко-культурных типов. Это характерно было и для Восточной Европы. Обитавшие в данном регионе народы в определенное время находились в составе различных империй. На протяжении своей истории они ощущали тяготение к западноевропейскому или российскому историческому типу культуры, проявившееся в периодическом усилении того или иного вектора историко-культурного влияния.

Этнокультурное развитие народов Северного Кавказа происходило в похожей ситуации. Особенностью их социо- и этнокультурного развития стало то обстоятельство, что они оказались в зоне влияния двух историко-культурных типов: христианского европейского и арабо-исламского.

Вопрос цивилизационной принадлежности Северного Кавказа нередко становился предметом острых научных дискуссий в 1990-е гг. На страницах научных изданий, в ходе выступлений на конференциях свои аргументы приводили сторонники теории Северо-Кавказской цивилизации [6] и их оппоненты [7]. Социокультурное пространство Северного Кавказа представляет

собой территорию со значительным уровнем кросс-культурного влияния и не менее высоким уровнем конфликтности, что зачастую приводило к столкновению интересов разноплановых историко-культурных типов. В этом плане усугубляет ситуацию мозаичная и насыщенная этническая карта региона. В данном случае представляется применимой концепция С.П. Хантингтона о столкновении интересов «мегацивилизаций» как решающем факторе конфликтности в зонах их контакта [8].

Большое значение в изучении истории межнациональных отношений имеет социокультурный подход. Его основы разработаны М. Вебером, Т. Парсонсом, Р. Мертоном. В рамках данного подхода человеческая деятельность понимается как саморазвивающаяся система. Общество рассматривается как единство культуры и социальности. Характерные черты социального действия проявляются в роли социальных норм, ценностей и символов культуры. Таким образом, социокультурный подход означает изучение развития общества через призму эволюции его ценностей и социальных норм, а также символов культуры, которые определяют поведение человека и обуславливают его отношение к обществу, окружающему миру и самому себе.

Антрополог К. Гирц понимает социокультурное пространство как складывающиеся в течение длительного времени символические структуры. Он считает, что человек действует не произвольно, а в системе базовых смыслов жизни, создающихся людьми с опорой на историко-культурный опыт [9].

Социокультурное пространство можно понимать как составную часть общественного пространства, образованную особым – духовно-культурным – типом отношений по производству символических благ [10]. Как общественная структура, социокультурное пространство есть

совокупность институтов и отдельных учреждений, а также способов, с помощью которых проводится взаимодействие населения и власти. В рамках такого взаимодействия реализуется культурная политика государства.

Социокультурное пространство формируется тремя компонентами: значениями (ценностями и нормами), посредниками (проявлениями культуры) и субъектами (индивидами и группами) [11]. Более объемное определение «социокультурного пространства» даёт О.В. Естрина: «Социокультурное пространство – это процесс и результат развертывания культуры во времени и пространстве и во взаимосвязи с социальными параметрами; это цивилизационная целостность с широкими пространственно-временными рамками, включающими все сложнейшие процессы генезиса, распространения и функционирования, которые протекают не хаотично и случайно, а подчинены определенной логике и детерминируются специфическими параметрами» [12]. В этом определении можно проследить обращение к традициям, заложенным О. Шпенглером и А. Дж. Тойнби.

Одним из основных понятий, выражающих согласованность и взаимозависимость между элементами общественной системы, является понятие социальной интеграции. В социокультурном смысле интеграция означает создание «чувства сообщества». Социокультурная интеграция в условиях многонационального государства показывает стремление сблизить этнические группы в единую надэтническую общность, под которой и понимается нация. Этнические статусы и этнокультурные различия при этом нивелируются и перемещаются в область частной жизни людей. Е.Н. Моцелков, обращаясь к отличительным чертам социально-политической истории России, ввёл понятие «государственно-центричная матрица» развития [13]. Её отличительная

характеристика – ведущая роль государства в жизнеобеспечении общества. Другой важной чертой является соединение политической власти и собственности. России чуждо гражданское общество, как, например, на Западе. Вместо этого в России в политической культуре закрепляется, условно говоря, ценность «государства правды», контролирующего основные сферы власти, собственности и культурной жизни. «Государственно-центричная матрица» в социокультурном аспекте включает совокупность идей и ценностей, сформировавшихся на основе православного мировоззрения. Например, единство духовной и светской власти, соборность, морализм.

Модель «русской власти», разработанная Ю.С. Пивоваровым, в известной мере близка идеям Е.Н. Моцелкова [14]. Автор объясняет роль государства в истории России как преобладающего над обществом властного института. Государство, реализующее своё влияние во многом неформальными процедурами. Важную роль в его политике играют идеологические доктрины. Определяя понятие «русской власти», Ю.С. Пивоваров утверждает, что основная черта российской культуры – центральная роль ценностей власти [15]. Власть неформальна потому, что нормы права воспринимаются не столько как объективная общественная необходимость, сколько как инструмент идейно-волевого действия политиков. Модель «русской власти» централизована именно вследствие слабой самоорганизации «окраин» государства.

За годы советской власти государство предприняло немало усилий, направленных на создание новой надэтнической и надконфессиональной социальной целостности, то есть того, чем и является нация (в научной литературе также используются понятия: «нация-государство», «политическая нация» «нация-согражданство»,

«нация-содружество»). Для того чтобы приступить к исследованию особенностей и закономерностей советской национальной политики на Северном Кавказе, необходимо отчетливо представлять себе то, с каким багажом в этом направлении деятельности пришло к своему историческому финалу царское правительство. Иначе говоря, каким был опыт национальной политики в этом регионе в дореволюционный период.

Процесс интеграции северокавказских народов в социокультурное и государственное пространство России проходил довольно длительно. Не будет преувеличением мнение о том, что после окончания Кавказской войны и до 1917 г. это произошло лишь в отдельных аспектах. Последняя треть XIX в. стала временем, когда в изучаемом регионе существовали две линии: укрепление российской государственности и начало утверждения российского исторического типа культуры как определяющего способа организации общественной жизнедеятельности.

Укреплению основ российской государственности на Северном Кавказе способствовало завершение боевых действий. От преимущественно военных мер периода Кавказской войны власти перешли к административным способам, предпочитая политические усилия. О слабой продуманности и непоследовательности решений российского правительства по отношению к своим новым подданным говорят административные изменения на Северном Кавказе. Сюда же можно отнести и политику переселения горцев на равнину, а также способы решения земельных проблем.

Все эти изменения в наибольшей мере коснулись кочевых народов региона. Планомерное давление на них государственной власти в регионе, обнищание кочевых обществ, увеличение доли российских крестьян в местном сообществе стали главными причинами отказа кочевников от традиционного образа жизни.

Только в 1930-е гг. этот процесс завершился полностью. Несмотря на это, начало этого перехода относится именно к пореформенному периоду.

Вдореволюционный период начинается процесс постепенного включения горцев в рамки российского правового поля. Мусульманское и традиционное право сохранялись в их среде, однако это положение рассматривалось властями как временное. Принципиальные вопросы сразу же становились объектом регулирования нормами права, характерными для всей остальной России, например, это целый ряд деяний, касающихся посягательств на государственные интересы. Вместе с тем в дореволюционный период не получилось развить и довести до логического конца процесс полного замещения местных правовых норм общеимперским законодательством. Стремительное нарастание кризисных политических тенденций (с начала XX в.) только усложнило ситуацию, сделав такое замещение практически невозможным.

Закреплению российского историко-культурного типа на Северном Кавказе должно было способствовать распространение российской системы образования среди горцев. Это должно было стать основой вовлечения автохтонного населения региона в систему русских этнокультурных ценностей и характерных им способов социального действия. Начали создаваться условия, при которых без знания и умелого владения этими способами были бы невозможны вертикальные социальные перемещения, а равно и сопоставимое с другими подданными империи существование. Большое значение при этом имело знание русского языка. Добиться высокого процента двуязычных представителей северокавказских народов в дореволюционный период не удалось.

Становление индустриального общества в данном регионе было тесно связано с развитием городов и торгово-промышленной деятельности,

которая была занятием, главным образом, пришлого населения. Иногородние численно преобладали в городах и крупных промышленных поселениях. Именно эта часть населения Северного Кавказа составила социальную основу формирующегося здесь пролетариата.

Развитие капиталистических отношений не обошло стороной и местное население. В их число мы относим не только горцев, но и казаков. Государство стремилось закрепить казачьи сословные и земельные привилегии. Однако в конце XIX – начале XX вв. это стремление наталкивалось на объективные причины развития капиталистических отношений, которые разрушали казачьи общины, вели к сокращению земельных наделов и социальному расслоению среди казаков. Среди горского населения были сильны корпоративные настроения. Изучение истории участия горцев в промышленном развитии Северного Кавказа показывает, что они не смогли в значительной степени включиться в развивающиеся индустриальные структуры. В большинстве своём они воспринимали их как чуждые, а если им приходилось оказаться среди наёмных рабочих, то такое положение они понимали как временное и вынужденное. Модернизация Северного Кавказа объективно способствовала включению этого региона в состав российского историко-культурного пространства.

Российское государство и его региональные представители выказывали явную заинтересованность в скорейшей интеграции горского населения в российское общество. При этом в своих решениях они были не всегда последовательны и не сумели создать эффективных механизмов адаптации северокавказских народов к условиям изменяющихся социокультурных реалий. Стремление сохранить и закрепить сословные и земельные преимущества казаков является ярким примером российских «хромающих решений» (А. Ахиезер). Следствием данной

политики стало то, что казачество, так же как и горское население, оказалось на периферии процесса модернизации региона. Среди казаков всё более усиливались консервативные настроения. К началу XX в. они стали определяющими для данного сословия в целом. Можно утверждать, что в дореволюционный период необходимые условия формирования нации как способа социокультурного взаимодействия различных этносов в рамках единого государства в полной мере не были реализованы.

Поэтапное включение Северного Кавказа в государственное пространство России к 1917 г. в основном было завершено. Имевшие место социальные и административные исключения для горцев не были принципиальными.

Процесс интеграции северокавказских народов в историко-культурное пространство России имел сложный и противоречивый характер. Во многом это было обусловлено особенностями модернизационных процессов в пореформенный период. Не умаляя значения предыдущих попыток укрепления на Северном Кавказе «русского духа», отметим, что процесс утверждения в регионе российского исторического типа культуры приобретает реальный смысл только в условиях начала массовой крестьянской миграции. Этот процесс заметно активизируется только в начале 1870-х гг. Тем не менее, историко-культурные интеграционные процессы в отношении народов Северного Кавказа в дореволюционный период оставались незавершёнными.

В 1917 г. начался новый этап исторического развития России. Для сохранения государства и его целостности было необходимо сформировать новую общность полиэтничного характера. Собственно, это и должно было стать новой нацией, в современном понимании этого явления.

Учитывая необходимые компоненты складывания нации, можно

утверждать, что объективные условия для этого возникают в России только в советский период, когда была предпринята попытка надэтнического создания нации, отразившаяся в идее «преодоления национальных перегородок» и создании интегрированного надэтнического сообщества.

Примечания:

1. Ачкасов В.А., Этнополитология. СПб, 2005. С. 27-30; Он же, Бабаев, С.А. «Мобилизованная этничность»: этническое измерение политической культуры современной России. СПб, 2000. С. 47; Аклаев, А.Р. Этнополитическая конфликтология: анализ и менеджмент. М., 2005. С. 59-71.

2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева. М., 2001. 288 с.; Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. 320 с.; Тишков В.А. Забыть о нации (постнационалистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 3-26; Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. 543 с.; Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий: сб. ст. / под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пильщикова. М., 2006. 200 с.

3. Арутюнян Ю.В., Дробижеева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М., 1999. 272 с.; Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации М., 1998. 816 с.; Он же. Может ли двуглавый орёл летать с одним крылом? Размышления о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений. М., 2000. 503 с.; Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижеева. М., 2013. 485 с.; Дробижеева Л.М. Этничность в современном обществе: новые подходы, старые мифы, социальные практики // Вестник Института социологии РАН. 2010. № 1. С. 429-442.

4. Ян Э. Государственное и этническое понимание нации: противоречия и сходство // Полис. 2000. № 1. С. 117.

5. Кара-Мурза А. Россия в треугольнике: «этнократия-империя-нация». URL: <http://old.russ.ru/antolog/inoe/krmrz.htm> [Дата обращения 20.10.2018].

6. Абдулатипов Р.Г. Кавказская цивилизация: самобытность и целостность // Научная мысль Кавказа. 1995. № 1. С. 55-58; Аникеев А.А. Концепция Северокавказской цивилизации как современная парадигма кавказоведения // Научная мысль Кавказа. 2000. № 2. С. 25-28; Кцоева Т.У. Кавказский суперэтнос // Эхо Кавказа. 1994. № 2; Кухианидзе А.В. Кавказоцентристская концепция демократии // Научная мысль Кавказа. 1995. № 4, С. 66-72; Бакиев А.Ш. Адыгейская цивилизация: периодизация истории // Вестник КБГУ. Нальчик, 1996, 1997. Вып. 2, 3 и др.

7. Акаев В.Х. Кавказская война: старые концепции и новые подходы // Кавказская война: старые вопросы и новые подходы. Махачкала, 1998. 132 с.; Лубский А.В. Северный Кавказ – периферия Российской цивилизации // Научная мысль Кавказа. 2000. № 2. С. 29-41; Черноус В.В. Кавказ – контактная зона цивилизаций и культур // Научная мысль Кавказа. 2000. № 2. С. 30-33; Майборода Э.Т. О сосуществовании цивилизаций различного типа // Научная мысль Кавказа. 2000. № 2. С. 41-48 и др.

8. Хантингтон С.П. Столкновение цивилизаций. М., 2003. 603 с.

9. Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004. С. 311.

10. Ачкасов В.А. Региональный политический ландшафт России: столкновение интересов. СПб, 2002. С. 20-21.

11. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 190-220, 297-301, 425-426.

12. Естрина О.В. Византизм – фактор российского социокультурного пространства: автореф. ... канд. филос. наук. Волгоград, 2007. 21 с.

13. Моцелков Е.Н. Переходные процессы в России: опыт ретроспективно-компаративистского анализа социально-политической динамики. М, 1996. С. 19, 33-35, 70.

14. Пивоваров Ю.С. Русская власть и публичная политика (Заметки историка) // Политические исследования. 2006. С. 12-32.

15. Пивоваров Ю.С. Русская власть и исторические типы её осмысления // Политика. 2000-2001. № 4. С. 5-37; Он же. Полная гибель всерьёз. М., 2004. 320 с.

References:

1. Achkasov V.A., Ethnopolitology. SPb., 2005. P. 27-30; the same author, Babaev S.A. "Mobilized ethnicity": ethnic dimension of the political culture of modern Russia. SPb., 2000. P. 47; Aklaev A.R. Ethnopolitical conflictology: analysis and management. M., 2005. P. 59-71.

2. Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the origin and spread of nationalism / transl. from English by V. Nikolaev. M., 2001. 288 pp.; Gellner E. Nations and nationalism. M., 1991. 320 pp.; Tishkov V.A. Forget about the nation (postnationalist understanding of nationalism) // Problems of Philosophy. 1998. No. 9. P. 3-26; Tishkov V.A. Requiem for ethnos: research on the socio-cultural anthropology. M., 2003. 543 pp.; Ethnic groups and social boundaries. Social organization of cultural differences: coll. of articles / ed. by F. Bart; transl. from English by I. Pilshchikov. M., 2006. 200 pp.

3. Arutyunyan Yu.V., Drobizheva L.M., Susokolov A.A. Ethnosociology. M., 1999. 272 pp.; Guboglo M.N. Languages of ethnic mobilization M., 1998. 816 pp.; The same author. Can a double-headed eagle fly with one wing? Reflections on lawmaking in the sphere of ethnic relations. M., 2000. 503 pp.; Civic, ethnic and regional identity: yesterday, today and tomorrow / head of the project and executive ed. by L.M. Drobizheva. M., 2013. 485 pp.; Drobizheva L.M. Ethnicity in modern society: new approaches, old myths and social practices // Bulletin of the Institute of Sociology of the RAS. 2010. No. 1. P. 429-442.

4. Yan E. State and ethnic understanding of the nation: contradictions and similarities // Polis. 2000. No. 1. P. 117.

5. Kara-Murza A. Russia in the triangle: "ethnocracy-empire-nation". URL: <http://old.russ.ru/antolog/inoe/krmrz.htm> [Access date 20.10.2018].

6. Abdulatipov R.G. Caucasian civilization: originality and integrity // Scientific thought of the Caucasus. 1995. No. 1. P. 55-58; Anikeev A.A. The concept of the North Caucasian civilization as a modern paradigm of Caucasian studies // Scientific thought of the Caucasus. 2000. No. 2. P. 25-28; Ktsoyeva T.U. Caucasian superethnos // Echo of the Caucasus. 1994. No. 2; Kukhianidze A.V. Caucasian-centrist concept of democracy // Scientific thought of the Caucasus. 1995. No. 4, P. 66-72; Bakiev A.Sh. Adyghe civilization: periodization of history // KBSU Bulletin. Nalchik, 1996, 1997. Iss. 2, 3, etc.

7. Akayev V.Kh. Caucasian war: old concepts and new approaches // Caucasian war: old problems and new approaches. Makhachkala, 1998. 132 pp.; Lubsky A.V. North Caucasus: periphery of the Russian civilization // Scientific thought of the Caucasus. 2000. No. 2. P. 29-41; Chernous V.V. The Caucasus: the contact zone of civilizations and cultures // Scientific thought of the Caucasus. 2000. No. 2. P. 30-33; Mayboroda E.T. On the coexistence of different types of civilizations // Scientific thought of the Caucasus. 2000. No. 2. P. 41-48 and etc.

8. Huntington S.P. Clash of civilizations. M., 2003. 603 pp.

9. Geerts K. The interpretation of cultures. M., 2004. P. 311.

10. Achkasov V.A. Regional political landscape of Russia: clash of interests. SPb., 2002. P. 20-21.

11. Sorokin P.A. Person. Civilization. Society. M., 1992. P. 190-220, 297-301, 425-426.

12. Estrina O.V. Byzantism as a factor of the Russian sociocultural space: Diss. abstract for the Cand. of Philosophy degree. Volgograd, 2007. 21 pp.

13. Moshchelkov E.N. Transient processes in Russia: the experience of a retrospective comparative analysis of socio-political dynamics. M., 1996. P. 19, 33-35, 70.

14. Pivovarov Yu.S. Russian power and public policy (Notes of the historian) // Political studies. 2006. P. 12-32.

15. Pivovarov Yu.S. Russian power and historical types of its understanding // Politeia. 2000-2001. No. 4. P. 5-37; The same author. Complete destruction seriously. M., 2004. 320 pp.